

Т.В. ЧУБАРОВА

Государство социальных инвестиций – новый поворот в социальной политике?

В статье рассматриваются вопросы, связанные с теорией и практикой государства социальных инвестиций. Показана общая ситуация, которая привела к появлению самой идеи такого государства, проанализированы концептуальные основы данного подхода, его преимущества и недостатки, а также степень его практического воплощения. Автор делает вывод о том, что, несмотря на то, что в настоящее время нельзя говорить о принципиальном сдвиге в сторону государства социальных инвестиций на практике, его можно рассматривать и как теоретическую конструкцию, и как возможное направление изменений государства благосостояния, которое дает ему новый импульс развития в современных социально-экономических условиях.

Ключевые слова: государство социальных инвестиций, государство благосостояния, новые социальные риски, социальная политика, социальные расходы.

Государство социальных инвестиций: откуда ветер дует

Идею государства социальных инвестиций следует рассматривать как ответ на фундаментальные изменения экономического и социального порядка, которые происходят в современном обществе. Государство благосостояния, или социальное государство, стало неотъемлемой частью социально-экономического устройства ряда стран мира, однако масштабы, направления и формы участия государства в решении социальных проблем современного общества по-прежнему остаются предметом активных дискуссий. И это не случайно, так как в настоящее время ряд новых факторов, определяющих социально-экономическое развитие, требуют адекватного ответа со стороны социальной политики. Изменения в демографической структуре населения и его ценностных ориентациях, в социально-трудовых отношениях, необходимость повышения эффективности и результативности социальных расходов, расширение сферы применения новых технологий, прежде всего информационных, наконец, процессы глобализации, набирающие силу в современном мире, – все это ставит новые задачи перед социальным государством.

Вместе с тем влияние обозначенных выше процессов на социальную сферу противоречиво. Например, развитие информационных технологий (ИТ) создало новые возможности во всех сферах жизни современного общества (дистанционное обучение, электронные издания и библиотеки, виртуальные сообщества, телемедицина и телесоциальное обслуживание, телеработа), но привело к обострению проблемы социальной

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН. Адрес: Нахимовский просп., д. 32, Москва, 117218. E-mail: t_chubarova@mail.ru.

Государственные расходы на социальные выплаты в странах ОЭСР (% ВВП)

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Австралия	16,5	16,4	17,8	17,8	17,9	18,2	18,8	19,5
Австрия	26,8	26,3	26,8	29,1	28,9	27,9	27,9	28,3
Бельгия	26,0	26,0	27,3	29,7	29,5	29,7	30,5	30,7
Канада	16,9	16,8	17,6	19,2	18,7	18,1	18,1	18,2
Чили	9,3	9,4	9,6	11,3	10,8	10,4	10,2	–
Чехия	18,3	18,1	18,1	20,7	20,8	20,8	21,0	21,8
Дания	27,1	26,5	26,8	30,2	30,6	30,6	30,8	30,8
Эстония	12,7	12,7	15,8	20,0	20,1	18,2	17,6	17,7
Финляндия	25,8	24,7	25,3	29,4	29,6	29,2	30,0	30,5
Франция	29,8	29,7	29,8	32,1	32,4	32,0	32,5	33,0
Германия	26,1	25,1	25,2	27,8	27,1	25,9	25,9	26,2
Греция	21,3	21,6	22,2	23,9	23,3	24,4	24,1	22,0
Венгрия	22,8	23,0	23,1	23,9	22,9	21,9	21,6	21,6
Исландия	15,9	15,3	15,8	18,5	18,0	18,1	17,6	17,2
Ирландия	16,1	16,7	19,7	23,6	23,7	23,3	22,4	21,6
Израиль	15,8	15,5	15,5	16,0	16,0	15,8	15,8	15,8
Италия	25,0	24,7	25,8	27,8	27,7	27,5	28,0	28,4
Япония	18,5	18,8	19,8	22,2	22,3	–	–	–
Корея	7,5	7,7	8,4	9,6	9,2	9,1	9,3	–
Люксембург	21,8	20,3	20,8	23,6	23,0	22,6	23,2	23,4
Мексика	7,0	6,9	7,4	8,2	8,1	7,7	7,4	–
Нидерланды	21,7	21,1	20,9	23,2	23,4	23,4	24,0	24,3
Новая Зеландия	18,9	18,6	19,8	21,2	21,3	21,4	22,0	22,4
Норвегия	20,3	20,5	19,8	23,3	23,0	22,4	22,3	22,9
Польша	20,8	19,7	20,3	21,5	21,8	20,5	20,6	20,9
Португалия	23,0	22,7	23,1	25,6	25,4	25,0	25,0	26,4
Словакия	16,0	15,7	15,7	18,7	19,1	18,1	18,3	17,9
Словения	20,8	19,5	19,7	22,6	23,6	23,7	23,7	23,8
Испания	21,1	21,3	22,9	26,0	26,7	26,4	26,8	27,4
Швеция	28,4	27,3	27,5	29,8	28,3	27,6	28,1	28,6
Швейцария	19,3	18,6	18,5	–	20,6	19,5	18,8	19,1
Турция	10,0	10,5	10,7	12,8	–	–	–	–
Великобритания	20,3	20,4	21,8	24,1	23,8	23,6	23,9	23,8
США	16,1	16,3	17,0	19,2	19,8	19,6	19,7	20,0
Среднее по ОЭСР	19,5	19,2	19,9	22,1	22,1	21,7	21,8	21,9

Источник: Social expenditure: Aggregated data, OECD Social Expenditure Statistics (database), 2014 Social issues: Key tables from OECD – OECD 2013.

отчужденности (экслюзии) и цифровому разделению (*digital divide*). Можно привести много примеров как важности ИТ в обеспечении новых способов организации профессиональной и социальной жизни, так и усиления неравенства доступа к важной информации.

Под воздействием глобализации, с одной стороны, происходит сближение социальных моделей различных стран, целей, методов и инструментов социальной политики. С другой стороны, как подчеркивает О. Богомолов, “рыночные экономики неодинаковы, и модель, оправданная для одной страны, необязательно подходит для другой. Слишком много объективных и субъективных факторов, влияющих на ее выбор и успешность функционирования” [Богомолов 2004, с. 188].

В развитых странах социальные расходы составляют существенную часть общественных расходов. Как следует из таблицы 1, только на социальные выплаты в системе социальной защиты (без учета образования, здравоохранения и т.д.) в странах

Структура государственных расходов в странах ОЭСР по функциям (2011 г., в %)

	Общие государственные услуги	Оборона	Общественный порядок и безопасность	Экономика	Охрана окружающей среды	Жилье и коммунальные услуги	Здоровье	Рекреация, культура и религия	Образование	Социальная защита
Австралия	12,5	4,1	4,8	11,4	2,6	1,8	19,2	2,1	14,5	27,1
Австрия	13,1	1,4	2,9	10,5	1,0	1,2	15,3	2,0	11,0	41,6
Бельгия	15,0	1,8	3,4	12,3	1,4	0,7	14,8	2,4	11,6	36,6
Чехия	10,7	2,1	4,3	13,9	3,1	1,9	18,1	2,9	11,4	31,7
Дания	13,7	2,4	2,0	6,1	0,7	0,6	14,5	2,8	13,5	43,8
Эстония	8,4	4,1	5,6	12,0	-0,9	1,6	13,3	5,0	16,9	34,2
Финляндия	13,3	2,6	2,7	8,8	0,5	1,0	14,2	2,2	11,6	43,1
Франция	11,5	3,2	3,1	6,3	1,9	3,4	14,7	2,5	10,8	42,6
Германия	13,6	2,4	3,5	7,8	1,5	1,2	15,5	1,8	9,4	43,3
Греция	24,6	4,6	3,3	6,2	1,0	0,4	11,6	1,2	7,9	39,3
Венгрия	17,5	2,3	3,9	14,4	1,5	1,6	10,4	3,5	10,5	34,5
Исландия	17,8	0,1	3,1	12,4	1,3	0,7	16,1	7,0	17,1	24,6
Ирландия	11,4	0,9	3,7	16,4	2,1	1,3	15,6	1,8	10,9	35,9
Израиль	14,7	14,7	3,8	5,8	1,5	1,0	12,3	3,9	16,5	25,9
Италия	17,3	3,0	4,0	7,1	1,8	1,4	14,7	1,1	8,5	41,0
Япония	11,0	2,2	3,1	9,8	2,9	1,8	17,3	0,8	8,4	42,7
Корея	15,2	8,6	4,2	20,1	2,4	3,3	15,2	2,2	15,8	13,1
Люксембург	11,4	1,0	2,5	9,9	2,8	1,8	11,4	4,0	12,1	43,2
Нидерланды	11,2	2,7	4,2	10,9	3,3	1,2	17,0	3,5	11,6	34,5
Норвегия	9,7	3,6	2,2	9,6	1,5	1,6	16,5	2,9	12,6	39,8
Польша	13,4	2,7	4,2	13,0	1,6	2,0	10,9	3,0	12,8	36,6
Португалия	17,1	2,7	4,0	8,2	1,1	1,3	13,8	2,2	12,9	36,7
Словакия	15,4	2,7	6,4	9,8	2,7	2,6	15,5	3,0	10,6	31,3
Словения	12,4	2,3	3,3	11,4	1,6	1,3	13,5	3,7	13,2	37,3
Испания	12,5	2,3	4,8	11,6	2,1	1,3	14,1	3,3	10,5	37,4
Швеция	14,4	2,9	2,7	8,2	0,7	1,5	13,7	2,2	13,3	40,5
Швейцария	9,9	2,9	5,0	13,7	2,3	0,6	6,1	2,6	17,9	39,0
Турция	16,4	4,1	5,2	11,9	1,1	3,5	12,1	2,3	11,4	31,9
Великобритания	11,6	5,1	5,3	5,3	2,0	1,8	16,5	2,1	13,4	36,8
США	12,4	11,7	5,5	9,4	0,0	2,1	21,4	0,7	15,5	21,3
ОЭСР	13,6	3,6	3,9	10,5	1,6	1,6	14,5	2,7	12,5	35,6

Источник: OECD National Accounts Statistics (database).

ОЭСР приходится около 22% ВВП. Причем этот показатель для европейских стран-членов еще выше – в 2013 г. он составил 30,8% в Дании, 33,0% во Франции, 30,7% в Бельгии, 28,4% в Италии, 28,6% в Швеции.

При этом социальная инфраструктура во многих странах значительна по масштабам, имеет свою инерцию развития и, как показывает практика, реформировать ее непросто. При этом большинство западных исследователей сходятся на том, что поскольку участие государства в процессе производства и распределения социальных благ закреплено системой давно сложившихся и достаточно результативно функционирующих институтов, в обозримом будущем скорее всего государство сохранит ведущую роль в решении социальных проблем населения.

Согласно данным таблицы 2, доля социальной защиты в государственных расходах составляет 35,6% в среднем по ОЭСР и варьируется от 13,1% в Корее и 21,3% в США до более 42% в Люксембурге и Финляндии. Однако в блок социальной политики

необходимо включить и расходы на здравоохранение, образование, рекреацию и культуру и жилье. Таким образом, еще 14,5% государственных расходов приходится на здравоохранение, 12,5% – на образование, 2,7% – на рекреацию и культуру, 16% – на жилье и коммунальные услуги. В результате в среднем по ОЭСР общая доля расходов на социальную политику в структуре государственных расходов достигает 67%. В этих условиях ставится вопрос о том, что государство благосостояния достигло предела, и уровень социальных расходов следует привести в соответствие с экономическими возможностями. Вместе с тем социальные проблемы, с которыми сталкивается социальное государство, изменяются, хотя в то же время сохраняются и “традиционные” проблемы, прежде всего бедность и неравенство.

Исследователи обращают внимание на усиление неравенства в современном мире [Неравенство... 2014]. В настоящее время отмечается самый глубокий за последние 30 лет разрыв между богатыми и бедными в большинстве стран ОЭСР. Самые богатые 10% населения стран ОЭСР зарабатывают в 9,5 раз больше, чем беднейшие 10%, в 1980-е гг. это соотношение составляло 7 : 1. Исследования экспертов ОЭСР предполагают, что неравенство доходов оказывает негативное статистически значимое влияние на среднесрочный рост. Рост неравенства на три пункта Джини – а это средний рост, зафиксированный в странах ОЭСР в последние 20 лет – приводит к снижению экономического роста на 0,35 процентных пункта в год за 25 лет, то есть аккумулированная потеря в конце этого периода составит 8,5 % ВВП [OECD 2014; Cingano 2014].

Одновременно сохраняется и бедность, хотя ее характеристики меняются. Так, в 2011 г. в США около 46,2 млн человек, или 15% населения страны, жили ниже официальной черты бедности, при этом 10,4 млн – это работающие бедные, то есть в современном обществе иметь работу еще не значит иметь возможность жить безбедно. По данным на 2012 г., в Европейском союзе (ЕС) проблема работающих бедных затрагивала 9,1 % населения трудоспособного возраста.

Социальные проблемы все чаще понимаются в категории социальных рисков, прежде всего так называемых новых социальных рисков, возникающих в связи с модернизацией [New... 2005; Bonoli 2005]. Они могут быть сгруппированы по трем основным направлениям:

- сочетание семьи и работы, особенно уход за детьми и престарелыми;
- недостаток знаний и умений, необходимых для получения устойчивой и адекватно оплачиваемой работы;
- потеря доступа к удовлетворительной социальной защите в ходе реструктуризации государства благосостояния, в том числе в результате расширения индивидуальной ответственности за удовлетворение социальных потребностей.

В связи с этим ставится задача обеспечения эффективной защиты граждан от новых социальных рисков, сглаживания негативного влияния модернизации на определенные группы населения.

Суть государства социальных инвестиций

В этих непростых условиях появляются новые подходы к социальной политике. Идея государства социальных инвестиций стала активно обсуждаться в конце 1990-х гг. как противовес неолиберальной социальной риторике, доминировавшей в политическом мышлении после 1970-х гг. [Midgley, Tang 2001; Jenson 2010].

Рыночно ориентированный подход, критикующий послевоенное кейнсианское “перераспределяющее” государство благосостояния, стал основой реформ, направленных на снижение общественных расходов и приватизацию государственных услуг. Неолиберализм рассматривает государство благосостояния как контрпродуктивный фактор, ведущий к формированию зависимости от государственной помощи, чрезмерному фискальному давлению государства и низким темпам экономического роста. Социальные расходы отвлекают капитал от производства и тормозят экономическое развитие. При этом утверждается, что социальные проблемы не решаются, бедность остается,

причем средние слои получают больше, а бедные – меньше, то есть государство благосостояния бедным помогает недостаточно, а остальным – слишком много. Поэтому необходимо сокращение пособий или ужесточения требований к их выплате по ряду социальных программ. Предпринятые в рамках такой логики меры оказались эффективными в решении фискальных проблем государства, в переносе нагрузки на частный сектор и на местный уровень, но создали новые социальные проблемы и привели к росту бедности, социального и экономического неравенства и незащищенности.

В настоящее время противопоставление экономического роста и социальных расходов подвергается пересмотру. Все шире признается, что социальные расходы могут способствовать экономическому росту и социальному развитию одновременно, выступая как инвестиции в устойчивое развитие. Социальные программы должны быть организованы таким образом, чтобы минимизировать возможное отрицательное влияние на предложение труда, повысить качество рабочей силы, стимулировать повышение уровня занятости населения. То есть они могут реально стать производительным фактором, способствовать достижению стабильности государства благосостояния и решению социально-экономических проблем.

Важную роль в развитии идеи государства социальных инвестиций сыграло усиление конкуренции на мировых рынках, так как успех в глобализированной экономике знаний зависит от квалифицированной и образованной рабочей силы, способной адаптироваться к новым условиям. Поэтому государство благосостояния должно поощрять активность граждан (прежде всего, на рынке труда) и вооружать их для преодоления новых рисков. Для этого необходим переход от пассивного обеспечивающего государства к государству, которое стимулирует личную активность, ответственность и поощряет стремление граждан к получению оплачиваемой работы, то есть переход от социального потребления к социальным инвестициям [Taylor-Gooby 2008].

В этом контексте можно выделить несколько новых подходов к пониманию сущности государства благосостояния и его функций. Это, например, подходы, в рамках которых демонстрируется открытая связь социального благосостояния и занятости, прежде всего шумпетерианское рабочее государство и модель взрослого работника.

По мнению Б. Джессопа, между кейнсианским государством благосостояния и шумпетерианским рабочим государством в области воспроизводства экономики и социальной жизни есть существенные различия. Задача кейнсианского государства состоит в том, чтобы обеспечить полную занятость в относительно закрытой национальной экономике (в основном с помощью управления спросом) и унифицировать нормы массового потребления через социальные права и новые формы коллективного потребления. Отличительные черты шумпетерианского рабочего государства – внедрение инноваций и усиление структурной конкурентоспособности открытой экономики в основном через регулирование предложения и подчинение социальной политики требованиям рынка труда, а именно, обеспечение его гибкости и конкурентоспособности [Jessop 1993]. Модель взрослого работника подразумевает систему благосостояния, обеспечивающую оплачиваемой работой всех взрослых как основу их экономической независимости и возможности самореализации. Эта модель достаточно широко используется при анализе современной социальной политики ЕС, особенно семейных и гендерных проблем и положения женщин на рынке труда [Annesley 2007].

Другая группа подходов к социальному государству идет дальше в направлении обеспечения человеку возможностей (*capabilities*) реализации своих активов. Адвокат такого подхода и его идеолог А. Сен получил за свои работы в данном направлении Нобелевскую премию по экономике [Sen 1993].

В начале 1990-х гг. возникла идея увеличения активов, которыми обладают граждане, как способа расширения их возможностей, снимающего противоречие между экономическим ростом и социальным развитием. Одним из ее разработчиков стал М. Шерраден [Sherraden 1991]. Программы по развитию активов (*asset-based social initiatives*) помогают домохозяйствам с низкими доходами укрепить свои активы, хотя

могут содержать оговорку об их использовании только на определенные цели, например образование, жилье или создание собственного бизнеса.

Накопление активов рассматривается как существенное вложение, не только генерирующее доход, но и поощряющее людей сберегать больше на будущее, что неизбежно ведет к аккумулярованию их личного богатства и расширению возможностей реализации своего потенциала и преодоления бедности. Таким образом, успешное развитие экономики связывается со способностью граждан накапливать и приобретать активы. Бедным домохозяйствам это сделать трудно, так как большая доля их доходов идет на потребление, и они практически не могут выделить средства на накопление. Это подразумевает необходимость контролируемых государством процессов перераспределения. Приемлемым здесь является тот уровень, при котором негативная маргинальная полезность состоятельных слоев пожертвовать некоторыми активами сравняется с положительной маргинальной полезностью для бедных от приобретения активов. Для этого требуется расширение государственного вмешательства по предоставлению беднейшим слоям земли, жилья, кредита, по развитию инфраструктуры, в том числе формированию здоровой инвестиционной среды.

Концепция социальных инвестиций направлена на сглаживание неудач неолиберализма 1980-х–начала 1990-х гг. в сфере социальной политики. Она признает ограниченность чисто рыночных решений и необходимость интеграции социальной и экономической политики, государственного участия в корректировке провалов рынка и одновременно в достижении позитивных экономических результатов. Таким образом, идея социальных инвестиций подчеркивает важность:

- интеграции экономической и социальной политики;
- перехода от перераспределительного к стимулирующему государству;
- стимулирования экономики с помощью вложений в человеческий капитал.

Известный британский исследователь Э. Гидденс отмечает, что государство, делая вложения в человеческий капитал, может поддержать социальное и экономическое благосостояние общества [Giddens 1998]. Социальные инвестиции следует рассматривать как переход от традиционного пассивного государства, которое фокусировалось на поддержании дохода, к государству, способствующему формированию экономических возможностей и перспектив, связанных с раскрытием потенциала индивида и включением его в рынок труда. Для достижения этих целей необходимы инвестиции в человеческий и социальный капитал, прежде всего в раннее развитие детей и обеспечение ухода, обучение в течение жизни, профессиональную переподготовку, создание рабочих мест и активацию рынка труда через государственно-частное партнерство и развитие добровольческого сектора. Таким образом, концепцию государства социальных инвестиций следует отличать как от более традиционного кейнсианского подхода к социальной политике, основанного на защите доходов и занятости, так и от неолиберального подхода, основанного на дерегулировании и коммодификации (*commodification* – от *commodity*, товар) человеческого труда [Jenson 2012].

В содержательном плане акцент на социальных инвестициях выделяет три области государственной политики: человеческий капитал, положение семьи в экономике и отношения в сфере занятости. Новая задача государства состоит не просто в реализации социальных программ для поддержки граждан и семьи, а в активном включении их в рынок труда, в стимулировании перехода «от “социалки” к работе».

В результате социальные инвестиции решают задачу модернизации государства благосостояния с тем, чтобы оно лучше защищало население от новых социальных рисков, учитывало изменяющуюся структуру потребностей современного общества, обеспечивало его финансовую и политическую устойчивость в условиях развития новой экономики, основанной на знаниях. Поэтому государство благосостояния должно не просто генерировать ответные действия, направленные на компенсацию ущерба, вызванного провалами рынка, социальной неудачей, плохим здоровьем и т. д., а помогать гражданам, семье и обществу адаптироваться к структурным трансформациям, таким

как старение населения, изменение структуры семьи и направлений занятости, изменение карьерных стратегий и условий труда, усиление культурной диверсификации.

В экономической науке достаточно широко используется аргумент о наличии отрицательной связи между масштабом активности государства и экономическим ростом. Однако эмпирические исследования показывают, что нет необходимости в компромиссе между макроэкономическим развитием, с одной стороны, и размером государства благосостояния – с другой. Так, эмпирическое исследование зависимости расходов на социальное обеспечение от экономического роста, с использованием данных 61 страны и панельных данных для 20 индустриально развитых стран, показало, что там, где выявлена зависимость между ними, она положительная [Belletini Ceroni 2000]. Пример стран Северной Европы, экономика которых наиболее конкурентоспособна, показывает: наличие масштабного общественного сектора не обязательно наносит ущерб конкурентоспособности государства.

Основа государства социальных инвестиций – активная роль государства как важного производителя услуг. Поскольку граждане часто не имеют необходимой информации и возможностей для рационального выбора, многие потребности постиндустриального общества остаются неудовлетворенными ввиду провалов рынка и, соответственно, их недопроизводства. Ряд социальных услуг, которые расширяют возможности человека, не обязательно производятся на частном рынке, и поэтому участие государства в обеспечении эффективной защиты граждан от новых социальных рисков становится императивом.

Таким образом, хотя концепция социальных инвестиций рассматривает свободный рынок как основу современной экономики, ею признается необходимость государственного вмешательства и регулирования рыночных сил для того, чтобы улучшить как экономические, так и социальные результаты. Как отмечает Гидденс, задача государства состоит в том, чтобы “использовать динамику рынка, имея в виду общественный интерес. Это подразумевает баланс между экономической и неэкономической жизнью общества” [Giddens 1998, p. 100].

Идея “государства социальных инвестиций”: преимущества и проблемы

Государство социальных инвестиций имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционным государством благосостояния. Во-первых, оно отражает стремление примирить экономическую и социальную политику. Экономический рационализм рассматривает экономику, свободную от социальных проблем. Новый подход настаивает, что экономика, особенно так называемая экономика знаний, не может оптимально функционировать вне общества с хорошими системами образования, охраны здоровья, обеспечения жильем и другой социальной инфраструктурой.

Во-вторых, это приверженность равенству возможностей. Нерегулируемый рынок – не выравнивающая сила. В результате действий бесконтрольных рыночных сил отдельные территории и группы населения не по своей вине остаются “не у дел”. Недооценка развития социальной инфраструктуры, обеспечивающей равенство возможностей, не просто неправильна с моральной точки зрения, но имеет экономическую цену. Таким образом, в рамках государства социальных инвестиций речь идет о так называемом инклюзивном росте, то есть не просто о повышении темпов экономического роста, но и о справедливом распределении его результатов. В-третьих, приверженность принципам государства социальных инвестиций подразумевает расширение участия граждан в экономике, повышение их активности в экономическом и в социальном плане.

Однако рассматриваемый подход имеет и ряд проблем теоретического и методологического характера (см., например, [Morel, Palier, Palme 2012]). Необходимо помнить, что социальная политика – не просто меры по подготовке граждан к работе. В силу серьезных социальных и политических причин ряд социальных услуг был “декоммо-

дифицирован” как социальные права граждан. Определенные группы населения слабо приспособлены для рынка труда, и это подразумевает признание других форм вклада граждан в жизнь общества, помимо просто участия в экономике.

В этой связи возникает также вопрос о сочетании “старых” и “новых” социальных рисков. Проведение такого различия отражает адаптацию государства благосостояния к изменяющимся экономическим и социальным условиям. Однако, во-первых, есть опасность недооценки важности старых социальных рисков, таких как болезнь, инвалидность, безработица и, соответственно, поддержки доходов лиц, попавших в сложное положение. Более того, в связи с ростом продолжительности жизни люди теперь дольше нуждаются в поддержке. Поэтому в ходе реформ государства благосостояния необходимо реформировать и традиционные системы поддержки доходов. Во-вторых, может возникнуть конкуренция между расходами на старые и новые социальные риски, что может привести к снижению первых, особенно направляемых на борьбу с бедностью. Рост расходов на новые риски может сопровождаться снижением расходов на старые и, соответственно, уменьшением поддержки тех групп населения, которые получают помощь через социальные пособия [Cantillon 2011].

Социальные инвестиции плохо сочетаются с принципом страхования, идея которого – “от меня ко мне”. Социальная инвестиция должна иметь более широкое влияние в обществе, она оплачивается государством за счет налогов, и ее задача состоит в том, чтобы нейтрализовать провалы и рынка, и индивида. В этом смысле семейная политика – хороший пример, так как ее трудно финансировать через страхование. Однако не следует считать, что пенсии, основанные на личных доходах, совсем не совпадают с принципами государства социальных инвестиций.

Концепция социальных инвестиций очевидно делает акцент на необходимости развития прежде всего детей как источника будущей рабочей силы. Первоочередной заботой государства становится ребенок как будущий гражданин-работник, а не гражданин-демократ [Lister 2003]. Фокусирование внимания на группах, которые дают большую отдачу, главным образом на детях, ведет к тому, что другие группы населения признаются менее продуктивными и дающими меньшую отдачу. В результате возраст может стать фактором определения инвестиционного потенциала человека.

Разграничение между социальным потреблением и социальными инвестициями провести достаточно трудно. Например, хотя расходы на пенсии не рассматриваются как социальные инвестиции, это не означает, что пенсии не поддерживают задачу повышения занятости. Они – результат участия в трудовой деятельности и могут даже рассматриваться как отложенная заработная плата. Однако в концепции социальных инвестиций кроются подспудные проблемы для престарелых [Sipilä 2008], например, ставится под сомнение господствовавшее в государстве благосостояния убеждение, что человек преклонного возраста всегда нуждается в общественной поддержке.

Важно понять, до какой степени в рамках рассматриваемой концепции должны включаться негосударственные расходы, финансируемые, например, самими гражданами или бизнесом. Ведь эта концепция, строго говоря, относится к распределению собственных ресурсов государства. Однако на практике социальные инвестиции часто рассматриваются с точки зрения бизнеса как практика добровольных финансовых и нефинансовых вложений, направленных на помощь местным сообществам и обществу в целом для решения задач развития. При этом корпорации все больше признают важность социальных инвестиций и стараются не только получить от них максимальный локальный эффект, но и соотносить с общими задачами [UN 2010].

Важный нюанс состоит в том, что следует различать отдачу от инвестиций собственно в социальную сферу и социальную отдачу от любых других инвестиций. Это, очевидно, не одно и то же. Социальные инвестиции часто определяют как форму инвестиций, которая фокусируется скорее на социальной, а не финансовой отдаче. Так как социальный инвестор жертвует финансовой выгодой в пользу социальной и тем самым принимает больше финансового риска, встает вопрос: возможно ли привлечь достаточное количество таких инвесторов, чтобы решить все социальные проблемы?

В экономической науке принят специальный термин – социальная отдача от инвестиций. Однако он используется в основном применительно к некоммерческому сектору или социальному предпринимательству. Кроме того, трудно количественно оценить масштаб социальной отдачи. Поэтому понимание социальных расходов как инвестиций требует очень серьезных методологических разработок в области экономической или, точнее, количественной оценки социальных явлений. Для экономической науки это серьезная проблема, которая во многом объясняет маргинальное положение социальной сферы в экономике. Как представляется, концепция социальных инвестиций без соответствующего методологического обеспечения может только усилить такую маргинализацию. Пока единственный серьезный критерий инвестиционного подхода в социальной сфере – уровень дохода человека и его изменение под влиянием социальных факторов, таких как образование или состояние здоровья.

Эффективные социальные инвестиции предполагают отказ от приверженности минималистскому государству, характерной для неолиберальных концепций. Любое слишком существенное сокращение роли государства в смешанной экономике благосостояния делает невозможным реализацию подхода социальных инвестиций [Jenson, Saint-Martin 2003]. Вместе с тем инвестиционный подход делает акцент на перераспределении ресурсов, выделяемых на социальную сферу, повышении эффективности их расходования и рациональном использовании, а не на их увеличении. Однако возможна ситуация, при которой этих средств *a priori* недостаточно, и необходимо выделение больших ресурсов.

Традиционно предполагается, что для финансирования социальных программ необходим экономический рост. Концепция социальных инвестиций утверждает обратное: социальные программы нужно рассматривать как средство экономического прогресса на основе примирения социальных и экономических целей. Однако социальное развитие по-прежнему ставится в прямую зависимость от экономики.

Государство социальных инвестиций: от теории к практике

Теория государства социальных инвестиций разработана достаточно подробно, особенно если учесть, что она имеет параллели с теорией человеческого капитала, получившей благословение Нобелевской премии. Однако вопрос о том, как обстоят дела на практике, остается открытым. В связи с этим необходимо рассмотреть два уровня реализации этой идеи, а именно, политический и экономический.

В области политической риторики она достаточно распространена. Социальные инвестиции подразумевают более тесную связь между положением человека на рынке труда и социальной защитой. Подобная стратегия была принята многими развитыми государствами и рекомендована международными организациями.

Усиление акцента социальной политики на инвестициях и улучшении интеграции социальных и экономических целей можно найти в программах ряда политических лидеров развитых стран (У. Клинтона, Э. Блэра, П. Липпонена). Концепция социальных инвестиций в человеческий капитал развивалась как тема в рамках социальной политики так называемого третьего пути, фокусирующей внимание на высоком уровне занятости населения [Lewis 2004].

При этом следует учитывать различия в моделях государства благосостояния, сложившиеся в различных странах [Дегтярь 2005]. Государства благосостояния континентальной и англосаксонской моделей скорее можно отнести к старому типу, в то же время государства благосостояния социал-демократической модели в нордических странах изначально включали элементы социальных инвестиций. Здесь приверженность полной занятости всегда была важной частью понимания государства благосостояния. Г. Эспинг-Андерсен считал Скандинавские страны родоначальником “стратегии социальных инвестиций” [Esping-Andersen 1996].

Особенно активно идея социальных инвестиций находит отражение на уровне международных организаций. Новый импульс ее популярности придал кризис 2000-х гг.

Так, ОЭСР отмечает, что инвестиции в человеческий капитал работников – ключевой момент для сдерживания роста неравенства, а политика, направленная на повышение квалификации рабочей силы, особенно низкой квалификации, будет способствовать повышению ее производительного потенциала и, соответственно, будущих доходов [OECD 2011]. Документы ЕС подчеркивают, что стратегия модернизации европейской социальной модели путем вложения в людей и построения активного государства благосостояния требует интеграции экономической и социальной политики, как и политики занятости, с тем, чтобы они усиливали друг друга. Именно социальные инвестиции могут потенциально примирить социальные и экономические цели [EU 2012].

В начале 2013 г. Европейская комиссия выпустила специальную коммуникацию по социальному инвестиционному пакету (*the Social Investment Package*). Он рассматривается как часть европейской стратегии роста, достигаемой прежде всего за счет интенсификации инвестиций в человеческий капитал (раннее развитие детей, повышение квалификации, обеспечение занятости молодежи, профилактической политики здравоохранения и реабилитации, активного старения, адресного распределения социальных расходов). При этом комиссия призвала страны-члены ЕС не просто поддерживать уровень социальных расходов, но зафиксировала обязательство выделять 25% всех средств структурных фондов на социальные инвестиции и 20% средств Европейского социального фонда на борьбу с бедностью [EU 2013].

Хотя социальный инвестиционный пакет по существу интегрировал более ранние прежние инициативы ЕС в общую стратегию, некоторые исследователи оценивают эту инициативу достаточно оптимистично как новую парадигму социальной политики и трансформации государства благосостояния [Kersbergen, Hemerijck 2012]. Однако пока этот акцент очевиден скорее в политической риторике, чем в реальной жизни, что находит отражение в распределении социальных расходов. Общий бюджет ЕС очень незначителен (1% общего ВВП) и не может самостоятельно финансировать меры, предлагаемые в рамках политики социальных инвестиций. Кроме того, ЕС не может оказывать давление в области социальных расходов, что является прерогативой стран-членов.

Сама идея государства социальных инвестиций подчеркивает ведущую роль государства. Однако возникает вопрос о его конкретных функциях. Очевидно, что на уровне риторики можно отметить сдвиг в сторону социальных инвестиций, но важно понять, насколько соответствующие идеи реально воплощаются на практике. Произошли ли изменения в финансовой политике государства, прежде всего в социальных расходах? Данные исследований противоречивы: не ясно, действительно ли происходит такой сдвиг [Hudson, Kühner 2009]. Причем здесь следует учитывать два обстоятельства.

Во-первых, трудно определить, что должно стать приоритетом по социальным расходам в государстве социальных инвестиций. Теоретически оно поддерживает детей, студентов, работающих матерей, иммигрантов и тех, кто возвращаются на рынок труда после перерыва по тем или иным причинам. Расходы на так называемые пассивные меры, например пособия по безработице, рассматриваются в этом контексте как “неправильные”. В целом государство социальных инвестиций отрицательно относится к тем, кто рано покидают рынок труда.

Во-вторых, расходы государства должны не просто удовлетворять текущие потребности, но и стать вложениями, которые принесут выгоду в будущем. В связи с этим необходимо понимать четкие зависимости между отдельными процессами, выявлять, какой конкретно “расход” лучше подходит для реализации идеи социальной инвестиции. Так, зафиксирована существенная зависимость между обеспечением ухода за детьми и занятостью женщин. Увеличение услуг по уходу за детьми ведет к повышению и рождаемости, и занятости. Очевидно, работающим матерям нужна поддержка, так как в современном обществе все труднее обеспечить уход на неформальной основе.

Инвестиции подразумевают вклад, который принесет выгоду в будущем. Недостаточно просто тратить общественные средства на социальные цели, они должны принести прямую или косвенную экономическую отдачу в перспективе. Например,

Изменения в структуре государственных расходов в странах ОЭСР по функциям
(2001–2011 гг., в %)

	Общие государственные услуги	Оборона	Общественный порядок и безопасность	Экономика	Охрана окружающей среды	Жилье и коммунальные услуги	Здоровье	Рекреация, культура и религия	Образование	Социальная защита
Австралия	0,4	-0,4	0,3	-1,4	1,0	-0,7	2,4	-0,1	0,0	-1,5
Австрия	-2,5	-0,3	0,0	0,3	0,0	-0,3	1,7	0,1	0,2	0,8
Бельгия	-6,3	-0,7	0,2	3,4	-0,1	0,1	1,5	0,5	-0,2	1,6
Чехия	1,6	-1,4	-0,6	-6,4	1,0	-0,7	2,2	0,5	1,5	2,3
Дания	-1,6	-0,6	0,2	0,1	-0,4	-0,7	1,9	-0,3	-0,1	1,5
Эстония	-0,9	0,2	-1,4	1,4	-3,0	-0,2	1,6	-0,7	-2,1	5,0
Финляндия	-1,1	-0,1	-0,1	-0,8	-0,2	0,1	2,0	-0,1	-0,9	1,2
Франция	-2,7	-0,7	0,2	-0,5	0,3	-0,2	1,0	0,4	-0,6	2,9
Германия	1,0	0,0	0,1	-1,4	0,0	-0,9	1,4	0,0	0,7	-0,8
Греция	1,1	-2,8	0,7	-3,8	-0,2	-0,5	0,3	0,4	1,8	2,8
Венгрия	-4,6	-0,3	-0,5	1,9	-0,1	-0,2	0,1	0,2	-0,6	4,0
Исландия	2,5	0,0	-0,4	-4,0	-0,4	-0,2	-2,5	-0,1	-1,1	6,1
Ирландия	0,4	-1,0	-1,1	3,1	-0,7	-4,3	-3,1	-0,2	-2,6	9,5
Израиль	-4,3	-1,2	0,7	0,3	0,3	-0,7	1,2	0,5	1,8	1,6
Италия	-2,9	0,6	0,1	-1,9	0,0	-0,3	1,6	-0,7	-1,3	4,8
Корея	1,8	-1,9	-0,9	-3,2	-0,3	-0,6	4,2	-0,1	-2,2	3,2
Люксембург	-0,6	0,2	0,1	2,7	-0,5	-0,3	-1,3	-0,4	0,1	0,0
Нидерланды	-3,6	-0,8	0,4	-1,4	0,1	-0,5	5,8	-0,2	0,2	0,0
Норвегия	-1,8	-0,7	-0,1	-1,0	0,3	0,8	0,3	0,5	-0,7	2,4
Польша	-0,1	0,0	0,8	5,0	0,2	-1,7	1,0	0,6	-1,0	-4,9
Португалия	3,0	-0,5	0,0	-4,8	-0,5	-1,0	-1,1	-0,8	-2,2	7,8
Словакия	-1,7	-2,3	0,2	-5,2	1,0	0,8	4,5	0,9	3,3	-1,5
Словения	-2,0	-0,4	-0,7	2,0	0,0	-0,1	-0,4	1,1	-0,6	1,1
Испания	-2,1	-0,5	0,0	-0,2	-0,2	-1,3	0,8	-0,1	-0,6	4,2
Швеция	-0,5	-1,0	0,2	1,0	0,1	-0,3	1,8	0,2	0,1	-1,6
Великобрит.	1,0	-0,6	-0,4	-1,0	0,3	0,0	1,8	-0,4	0,3	-1,0
США	-2,5	2,3	-0,4	-1,7	0,0	0,5	2,2	-0,2	-2,0	1,7
ОЭСР	-1,1	-0,5	-0,1	-0,6	-0,1	-0,5	1,2	0,0	-0,3	2,0

Источник: OECD National Accounts Statistics (database).

если в результате затрат на организацию помощи на дому или создание специальных учреждений ухаживающие выходят на работу, такие затраты следует рассматривать как социальные инвестиции. Вместе с тем рост занятости – не единственная цель, могут быть и другие выгоды и соображения, которые необходимо учесть.

Развитие государства социальных инвестиций предполагает изменения по трем взаимосвязанным направлениям, а именно, от старых социальных рисков к новым, от денежных к натуральным пособиям и от ликвидации последствий к предотвращению проблем [*De Deken 2012*]. Поэтому можно предположить, что в таком государстве увеличиваются расходы в тех областях, где наиболее очевидна синергия между экономической и социальной сферой:

- образование и переподготовка;
- помощь семье, особенно обучение и обслуживание детей младшего возраста;
- активная политика занятости.

В настоящее время имеющиеся данные не позволяют определенно утверждать о наличии ясного тренда перехода от социального потребления к социальным инвести-

циям, хотя есть определенные изменения в пользу последних [Nicaise, Schepers 2013]. Так, проблемы в сфере образования достаточно комплексные, однако следует отметить, что в целом по ОЭСР доля расходов на образование в структуре государственных расходов сократилась на 0,3% за период 2001–2011 гг., а на выплаты по социальному обеспечению выросли на 2,0% (см. табл. 3). Вместе с тем важно, что хотя наблюдается общее снижение государственных расходов на образование (с 4,8 % ВВП в 2006 г. до 4,6% в 2011 г., причем практически по всем странам) расходы на обслуживание и обучение детей дошкольного возраста возросли практически всюду, хотя и с достаточно низкого уровня, так как их доля в ВВП весьма скромна.

Активная политика на рынке труда – еще одно направление государства социальных инвестиций. Государственные расходы на нее в странах ОЭСР составляли в 2012 г. менее 1% ВВП (больше только в Бельгии, Дании, Новой Зеландии и Швеции) и в среднем по ОЭСР практически не изменились за период 2004–2012 гг. Причем они наиболее существенно выросли именно в тех странах, где и были выше других – в Дании (с 1,8% до 2,3%) и Бельгии (1% и 1,6%), а вот в Германии сократились с 1,1% до 0,8%, в Нидерландах – с 1,4% до 1,1%.

Вместе с тем уровень собственно социальных расходов недостаточен для понимания степени реализации подхода социальных инвестиций на практике. Исследования подчеркивают эффект колеи (*path dependence*) и традиции национальной социальной политики, основанной на сложившихся в обществе культурных ценностях, особенно по отношению к детям и престарелым, которые ограничивают приемлемые альтернативы [Pierson 1996]. Особенно это касается семейной политики, вопросов поддержки семьи, организации ухода за детьми и престарелыми. Однако это не исключает отклонений от традиционных направлений социальной политики в различных странах. Так, в последнее время существенно выросли расходы на семейную политику в Греции, Португалии и Испании. Норвегия недавно приняла программу комплексной семейной политики, в то время как в Люксембурге, несмотря на рост социальных расходов, по-прежнему мало средств вкладывается в развитие услуг для семьи.

Важные различия между странами связаны с рядом ограничителей социально-экономического характера, в том числе типа проводимой экономической политики. В зависимости от общего характера государства можно выделить “слабое” и “сильное” государство социальных инвестиций [Deeming, Smyth 2015]. В Австралии, например, государство социальных инвестиций развивается в рамках либерального государства, в то время как в нордических странах – в рамках социал-демократического. В связи с этим важно, как дальше будут развиваться эти системы в условиях новых вызовов и давления нового экономического порядка.

Таким образом, государство социальных инвестиций следует рассматривать прежде всего как теоретическую конструкцию, которая отражает современные тенденции социально-экономического развития. Несмотря на ряд методологических проблем, в целом подход социальных инвестиций можно выделить как отдельное направление в социальной политике. В современном виде он представляет собой компромисс между государственным и рыночным подходом к социальной сфере в экономической теории, который подчеркивает производительную роль социальной политики. Однако, хотя в глобальном масштабе в реальной практике поворота к социальным инвестициям не произошло, государство социальных инвестиций не следует сбрасывать со счетов. Оно представляется перспективным направлением изменений современного государства благосостояния, так как предлагает новое экономическое обоснование мерам социальной политики. Поэтому, несмотря на то, что для большинства стран эта идея – скорее декларация, чем реальность, она становится ориентиром для многих стран, причем как развитых, так и развивающихся, при формировании социальных стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богомолов О. (2004) Нобелевский лауреат о российских реформах // Мир перемен. № 1. С. 82–87.
- Дегтярь Л.С. (2005) Роль идеологического фактора в исследовании и формировании социальной политики // Теория и методология исследований социальных проблем. М.: Наука.
- Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса (2014). М.: Культурная революция.
- Annesley C. (2007) Lisbon and Social Europe: Towards a European “Adult Worker Model” Welfare System // *Journal of European Social Policy*, vol. 17, no. 3, pp. 195–205.
- Belletini G., Ceroni C.B. (2000) Social Security Expenditure and Economic Growth; an Empirical Assessment // *Research in Economics*. September, vol. 54 (3), pp. 249–275.
- Bonoli G. (2005) The Politics of the New Social Policies: Providing Coverage Against New Social Risks in Mature Welfare States // *Policy and Politics*, vol. 33, no. 3, July, pp. 431–449.
- Cantillon B. (2011) The Paradox of the Social Investment State. Growth, Employment and Poverty in the Lisbon Era // *Journal of European Social Policy*, vol. 21, no. 5, pp. 432–449.
- Cingano F. (2014) Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. OECD SEM Working Paper no. 163 (<http://www.oecd.org/els/workingpapers>).
- De Deken J. (2012) Identifying the Skeleton of the Social Investment State: Defining and Measuring Patterns of Social Policy Change on the Basis of Expenditure Data. Paper to be presented in Stream 1 “Social Innovation and Social Investment” at the ESPANET 2012 Conference Edinburgh (Scotland), September 6–8.
- Deeming C., Smyth P. (2015) Social Investment after Neoliberalism: Policy Paradigms and Political Platforms // *Journal of European Social Policy*, vol. 44, no. 2, pp. 297–318.
- Esping-Andersen G. (1996) After the Golden Age? Welfare State Dilemmas in a Global Economy // *Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies*. London: UNRISD, pp. 157–189.
- EU (2012) Committee on Employment and Social Affairs, Draft report on Social Investment Pact as a response to the crisis. Brussels, European Parliament.
- EU (2013) Communication from the Commission: Towards Social Investment for Growth and Cohesion – including implementing the European Social Fund 2014–2020.
- Giddens A. (1998) *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press.
- Hudson J., Kühner S. (2009) Towards Productive Welfare? A Comparative Analysis of 23 OECD Countries // *Journal of European Social Policy*. February, vol. 19, no. 1, pp. 34–46.
- Jenson J. (2010) Diffusing Ideas for After-neoliberalism: the Social Investment Perspective in Europe and Latin America // *Global Social Politics*. April vol. 10, no. 1, pp. 59–84.
- Jenson J. (2012) Redesigning Citizenship Regimes after Neoliberalism: Moving Towards Social Investment // *Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges*. Bristol: Policy Press, pp. 61–87.
- Jenson J., Saint-Martin D. (2003) New Routes to Social Cohesion? Citizenship and the Social Investment State // *Canadian Journal of Sociology*, vol. 28, iss. 1, pp. 77–99.
- Jessop B. (1993) Towards a Schumpeterian Workfare State? Preliminary Remarks on Post-fordist Political Economy // *Studies in Political Economy*, no. 40, pp. 1–39.
- Kersbergen K. van, Hemerijck A. (2012) Two Decades of Change in Europe: the Emergence of the Social Investment State // *Journal of Social Policy*, vol. 41, iss. 3, pp. 475–492.
- Lewis J. (2004) What is New Labour? Can it Deliver on Social Policy? // *Welfare State Change Towards a Third Way?* Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 135–154.
- Lister R. (2003) Investing in the Citizen-workers of the Future: Transformations in Citizenship and the State under New Labour // *Social Policy & Administration*, vol. 37, no. 5, pp. 427–443.
- Midgley J., Tang K.L. (2001) Social Policy, Economic Growth and Developmental Welfare // *International Journal of Social Welfare*, no. 10, pp. 244–252.
- Morel N., Palier B., Palme J. (2012) *Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges*. Bristol: the Policy Press.
- New Risks, New Welfare: the Transformation of the European Welfare State (2005). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Nicaise I., Schepers W. (2013). Social Investment: the New Paradigm of EU Social Policy // *Revue Belge de la Securite Sociale – 2e Trimestre 2013*, pp. 185–227.
- OECD (2011) *Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising*. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2014) *Focus on Inequality and Growth – December 2014* (<http://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm>).

- Pierson P. (1996) The New Politics of Welfare State // World Politics, no. 48 (2), pp. 143–179.
- Sen A. (1993) Capability and Well-being // The Quality of Life. Oxford: Clarendon Press, pp. 30–53.
- Sherraden M. (1991) Assets and the Poor: a New American Welfare Policy. Armonk (N.Y.): M.E. Sharpe.
- Sipilä J. (2008) Social Investment State: Something Real or Just a New Discourse? Paper prepared for presentation at the 2nd Annual RECOWE Integration Week. Oslo, June 10–14, 2008.
- Taylor-Gooby P. (2008) The New Welfare State Settlement in Europe // European Societies, no. 10 (1), pp. 3–24.
- UN (2010) The United Nations Global Compact Principles for Social Investment (PSI).
-

Social investment State: a New Shift in Social Policy?

T. CHUBAROVA*

***Chubarova Tatiana** – doctor of sciences (Economy), head of the Center for Economic Theory of the Social Sector Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Address: 32, Nakhimovskiy av., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: t_chubarova@mail.ru.

Abstract

The article discusses the issues related to the theory and practice of the social investment state. The author describes the general situation which led to the emergence of the idea of such a state, analyzes the conceptual foundations of this approach, its advantages and disadvantages, as well as its practical implementation degree. The author concludes that, despite the fact that at the moment in practice there is no shift towards social investment state, it can be regarded both as a theoretical construct and as a possible direction of the welfare state change, which gives it a new impetus to develop under modern social and economic conditions.

Keywords: social investment state, welfare state, new social risks, social policy, social expenditures

REFERENCES

- Annesley C. (2007) Lisbon and Social Europe: Towards a European “Adult Worker Model” Welfare System. *Journal of European Social Policy*, vol. 17, no. 3, pp. 195–205.
- Bellettini G., Ceroni C.B. (2000) Social Security Expenditure and Economic Growth; an Empirical Assessment. *Research in Economics*. September, vol. 54 (3), pp. 249–275.
- Bogomolov O. (2004) Nobelevskiy laureat o rossiyskikh reformah [Nobel Awardee on Russian Reforms]. *Mir peremen*, no. 1, pp. 82–87.
- Bonoli G. (2005) The Politics of the New Social Policies: Providing Coverage Against New Social Risks in Mature Welfare States. *Policy & Politics*, vol. 33, no. 3, July, pp. 431–449.
- Cantillon B. (2011) The Paradox of the Social Investment State. Growth, Employment and Poverty in the Lisbon Era. *Journal of European Social Policy*, vol. 21 no. 5, pp. 432–449.
- Cingano F. (2014) Trends in Income Inequality and Its Impact on Economic Growth. *OECD SEM Working Paper* no. 163 (<http://www.oecd.org/els/workingpapers>).
- De Deken J. (2012) *Identifying the Skeleton of the Social Investment State: Defining and Measuring Patterns of Social Policy Change on the Basis of Expenditure Data. Paper to be presented in Stream 1 “Social Innovation and Social Investment” at the ESPANET 2012 Conference Edinburgh (Scotland), September 6–8.*
- Degtyar L.S. (2005) *Rol' ideologicheskogo faktora v issledovanii i formirovanii socialnoy politiki. Teoriya i metodologiya issledovaniy socialnih problem* [The Role of Ideology in Research

and Formulation Social Policy. Theory and Methodology of Social Problems Research]. Moscow: Nauka.

Deeming C., Smyth P. (2015) Social Investment after Neoliberalism: Policy Paradigms and Political Platforms. *Journal of European Social Policy*, vol. 44, no. 2, pp. 297–318.

Esping-Andersen G. (1996) After the Golden Age? Welfare State Dilemmas in a Global Economy. *Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies*. London: UNRISD, pp. 157–189.

EU (2012) Committee on Employment and Social Affairs, Draft report on Social Investment Pact as a response to the crisis. Brussels: European Parliament.

EU (2013) Communication from the Commission: Towards Social Investment for Growth and Cohesion – including implementing the European Social Fund 2014–2020.

Giddens A. (1998) *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press.

Hudson J., Kühner S. (2009) Towards Productive Welfare? A Comparative Analysis of 23 OECD Countries. *Journal of European Social Policy*. February, vol. 19, no. 1, pp. 34–46.

Jenson J. (2010) Diffusing Ideas for After-neoliberalism: the Social Investment Perspective in Europe and Latin America. *Global Social Politics*. April vol. 10, no. 1, pp. 59–84.

Jenson J. (2012) Redesigning Citizenship Regimes after Neoliberalism: Moving Towards Social Investment. *Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges*. Bristol: Policy Press, pp. 61–87.

Jenson J., Saint-Martin D. (2003) New Routes to Social Cohesion? Citizenship and the Social Investment State. *Canadian Journal of Sociology*, vol. 28, iss. 1, pp. 77–99.

Jessop B. (1993) Towards a Schumpeterian Workfare State? Preliminary Remarks on Post-fordist Political Economy. *Studies in Political Economy*, no. 40, pp. 1–39.

Kersbergen K. van, Hemerijck A. (2012) Two Decades of Change in Europe: the Emergence of the Social Investment State. *Journal of Social Policy*, vol. 41, iss. 3, pp. 475–492.

Lewis J. (2004) What is New Labour? Can it Deliver on Social Policy? *Welfare State Change Towards a Third Way?* Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 135–154.

Lister R. (2003) Investing in the Citizen-workers of the Future: Transformations in Citizenship and the State under New Labour. *Social Policy & Administration*, vol. 37. no. 5, pp. 427–443.

Midgley J., Tang K.L (2001). Social Policy, Economic Growth and Developmental Welfare, *International Journal of Social Welfare*, no. 10, pp. 244–252.

Morel N., Palier B., Palme J. (2012) *Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges*. Bristol: the Policy Press.

Neravenstvo dohodov i ekonomicheskiy rost: strategii vikhoda iz krizisa (2014) [Income Inequality and Economic Growth: Crisis Exit Strategies]. Moscow: Kulturnaya revoliuciya.

New Risks, New Welfare: the Transformation of the European Welfare State (2005) Oxford: Oxford Univ. Press.

Nicaise I., Schepers W. (2013) Social Investment: the New Paradigm of EU Social Policy. *Revue Belge de la Securite Sociale – 2e Trimestre 2013*, pp. 185–227.

OECD (2011) *Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising*. Paris, OECD Publishing.

OECD (2014) Focus on Inequality and Growth – December 2014 (<http://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm>).

Pierson P. (1996) The New Politics of Welfare State. *World Politics*, no. 48 (2), pp. 143–179.

Sipilä J. (2008) *Social Investment State: Something Real or Just a New Discourse? Paper prepared for presentation at the 2nd Annual RECOWE Integration Week*. Oslo, June 10–14, 2008.

Sen A. (1993) *Capability and Well-being. The Quality of Life*. Oxford: Clarendon Press, pp. 30–53.

Sherraden M. (1991) *Assets and the Poor: a New American Welfare Policy*. Armonk (N.Y.): M.E. Sharpe.

Taylor-Gooby P. (2008) The New Welfare State Settlement in Europe. *European Societies*, no. 10 (1), pp. 3–24.

UN (2010) The United Nations Global Compact Principles for Social Investment (PSI).